

Глава 18. Награда и наказание

Посланник явно прибыл не с добрыми вестями.

Но странно, что это были люди из дворца, а не из управы.

Первая мысль Жун Цзюаня была:

— Значит, мой заранее собранный роскошный набор для тюремного путешествия не понадобится?

В нём лежали мягкие вещи, туалетные принадлежности и прочее. Учитывая его уже сложившиеся отношения с Управлением по надзору, он был уверен, что после досмотра ему бы всё передали.

Может, даже Гу Вэня удалось бы к себе подселить. Тогда у него был бы не только соратник для учёбы, но и тот, кто подаёт чай.

После этих слов в воздухе повисла ощутимая тишина.

«Так похищение не было спонтанным решением, а давно спланированной акцией? Он даже тюремное заключение продумал?»

Дворцовые слуги снаружи торопили. Жун Цзюань криво усмехнулся. Он бросил взгляд на Гу Вэня и, пользуясь последней возможностью, обратился к Се Яньчжоу:

— Позаботься о нём для меня.

— ...

Жун Цзюань считал, что на этот раз выразился весьма учтиво. В присутствии посторонних слово «присмотри» звучало бы так, будто Се Яньчжоу — его соучастник.

Нельзя же было допустить, чтобы с таким трудом добытый человек сбежал.

У ворот резиденции евнух, прибывший с указом, на мгновение опешил, увидев Жун Цзюаня с чашкой в левой руке и маленьким чайником в правой, но быстро нашёл этому объяснение.

«Так напуган, что даже еду из рук выпустить забыл»

Жун Цзюань сидел в карете и неспешно пил чай. Когда он допил последнюю каплю, экипаж остановился.

Едва он вышел, как на него обрушилась гнетущая атмосфера.

Во дворце сегодня царило напряжение. Слуги передвигались, низко опустив головы, боясь проронить лишнее слово.

В последнее время император был непредсказуем, а наследный принц жесток. Все во дворце жили в страхе.

Из величественного зала выходило несколько чиновников.

— Разве утренний приём уже не закончился? — с любопытством спросил Жун Цзюань.

Длиннобровый евнух пояснил:

— Это те, кто пришёл с жалобой на вас, господин.

Жун Цзюань кивнул с видом «а, понятно».

— А тот чиновник, что идёт с востока...

— Тоже пришёл с жалобой на вас. И тот, что удаляется вдоль западной стены, тоже.

— Ясно.

«Надо же, как быстро разлетелись новости»

Жун Цзюань чувствовал, что его право на частную жизнь было грубо нарушено. Он остановился у входа в зал, ожидая, пока Длиннобровый евнух доложит о его прибытии.

Мгновение спустя Жун Цзюань вошёл внутрь, поймав сочувственный взгляд главного евнуха.

Из зала доносился гневный рёв императора. У государя и без того было плохое настроение, а тут ещё под горячую руку попался чиновник.

Гнев Сына Неба эхом разносился по залу и за его пределами. Стражники на посту трепетали от страха, думая, что вошедшему сановнику не поздоровится.

***

В зале обвинения сыпались одно за другим:

— Среди бела дня ворвался в резиденцию канцлера и похитил человека! Немилосерден как чиновник, непочтителен как сын...

При словах «непочтителен как сын» император, видимо, вспомнил недавние выходки наследного принца, и его гнев вспыхнул с новой силой.

Длиннобровый евнух отчаянно подавал Жун Цзюаню знаки, чтобы тот опустился на колени, но тот, словно испуганный до смерти, стоял как истукан. Опомнившись после потока брани, он первым делом попытался поклониться, но перепутал правую и левую руки.

Этот вид полного идиота заставил монарха, уже готового отдать приказ о наказании, на мгновение замереть.

Чем больше подданный, подобно перепёлке, распластывался на полу, тем сильнее было его желание наказать. Если бы Жун Цзюань с самого начала пал ниц и молил о прощении, его бы немедленно уволокли.

Устав кричать, император взял чашку, но его движение на миг замедлилось.

Чаша была почти пуста.

Незадолго до этого, допив чай, правитель начал свою гневную тираду, сопровождая её жестами, словно без них не мог и слова вымолвить. Маленький евнух поблизости несколько раз пытался подлить чаю, но едва не налетал на руку Его Величества и был вынужден ждать удобного момента.

Однако тот, кто сидит на троне, редко задумывается о положении других.

Император, ничего не говоря, с бесстрастным лицом взял стоявший рядом маленький чайник из исинской глины. В следующую секунду сосуд полетел в сторону.

Служка инстинктивно хотел увернуться, но, встретившись с леденящим взглядом государя, застыл на месте. После глухого удара по его лбу потекла струйка крови.

Даже с потемневшим в глазах сознанием пострадавший должен был преклонить колени и молить о прощении. Юноша отчаянно пытался сохранить равновесие.

— Ваше Величество...

Это прерванное обращение показалось императору смутно знакомым.

Почти одновременно раздался другой голос, молящий о прощении:

— Я признаю свою вину.

Внимание правителя вновь переключилось на Жун Цзюаня.

— Признаёшь вину? Я не вижу в тебе ни капли раскаяния! Ты опозорил весь двор! Стража, увести его, наказать палками...

— Ваше Величество! — Жун Цзюань, вновь включив свою театральность, прервал приказ императора. — Прошу вас, Ваше Величество, во имя заслуг моего отца в усмирении мятежей и моей скромной лепты в противостоянии Ужунам, пощадите мою жизнь!

Стражники уже подошли к дверям. Они привыкли к таким сценам. Как бы ни молил осуждённый, исход всегда был один.

Но когда они двинулись вперёд, произошло нечто неожиданное.

Император, словно о чём-то задумавшись, вдруг поднял руку, приказывая им остановиться. Жун Цзюань не удивился.

Чтобы выиграть время и заставить собеседника прийти в себя, лучший способ — это в одной фразе смешать ошибки, выгоду и то, что вызовет вопросы и подтолкнёт к дальнейшему разговору.

Сейчас император инстинктивно хотел его поправить: как тот, кто только что похитил человека из отцовского дома, может беззастенчиво просить пощады во имя отца?

Затем слово «Ужун» зацепило его внимание.

Десяток ударов палками мог стать для Жун Цзюаня смертельным. Императору не было дела до жизни одного чиновника, но он помнил, зачем оставил его в живых: в случае чего, его можно было бы отдать Ужунам для умиротворения.

Если его забьют палками, это будет невыгодно.

Наконец, императору стало смешно. Человек с золотой медалью, дарующей освобождение от

смерти, вместо этого ссылается на какие-то заслуги. Явно не в своём уме.

Руководствуясь собственными интересами, император в итоге отозвал стражу. Жун Цзюань же, словно от ужаса, плюхнулся на пол.

«Да, сидеть всё-таки удобнее»

Он тщательно выбрал эту позу: ноги не затекают, а длинный халат не задирается, иначе тонкие штаны не защитили бы от ледяного холода каменных плит, и ноги свело бы судорогой.

Поза была крайне неприличной.

Но разве правитель станет обращать внимание на манеры чиновника, который уже совершил преступление и трясётся от страха?

Выпустив пар, император почувствовал, как недавнее раздражение от ночных кошмаров немного улеглось.

— Говори, зачем ты похитил гостя из дома канцлера?

— Я... — Жун Цзюань, вызванный в спешке, был без чиновничьего облачения и головного убора. Длинные волосы, скреплённые лишь нефритовой шпилькой, немного растрепались.

Пряди отбрасывали тень на его лицо, скрывая насмешливую ухмылку.

«Перед ним стоит похититель мужчин, а он только сейчас удосужился спросить о причине»

— Потому что я хотел разозлить своего отца.

Дерзкие слова эхом разнеслись по залу. Не только император, но и слуги-евнухи с любопытством уставились на него.

Жун Цзюань, удобно устроившись на полу, с негодованием продолжил:

— Мой отец уже давно подыскивал мне невесту, а в Западных садах снова торопил меня с возвращением домой. Он ведь знает, что я не могу жениться!

Стражники, застывшие в ожидании, переглянулись. И из-за этого он похитил человека?

Да ещё и мужчину. Совсем с ума посходили эти отпрыски столичных аристократов.

Жун Цзюань, казалось, совсем выдохся. Только что он держался прямо, а теперь ссутулился.

— Я... я немощен, Ваше Величество. Разве что... разве что с помощью лекарств! А говорят, дети, рождённые от такого, тоже будут больными...

Когда речь зашла о потомстве, гнев в глазах императора, до этого нетерпеливого, постепенно угас, сменившись мрачной задумчивостью. Он, естественно, подумал о золотой медали.

Император лучше кого-либо знал, насколько расчётливы его подданные. Активность Правого канцлера в устройстве брака могла быть связана только с этим.

Медалью не могли воспользоваться ни отец, ни братья, но потомки — могли. Он хотел передавать её из поколения в поколение.

Тем временем голос внизу звучал так, будто человек отчаялся и готов был выложить всё.

— Я хотел, чтобы мой отец понял, что меня привлекают мужчины! Он будет торопить меня раз — я похищу одного его ученика. Будет торопить снова — похищу ещё одного...

— Дерзость!

Жун Цзюань, услышав окрик, замолчал, но губы его продолжали шевелиться, словно он что-то бормотал себе под нос.

Стражники уже боялись слушать дальше. Длиннобровый евнух, служивший при императоре, был в ужасе. Так дерзить Его Величеству — это же самоубийство!

Однако произошло то, чего никто не ожидал.

Император, обычно суровый к чиновникам, не стал немедленно его наказывать, а лишь холодно смотрел на сидящего у подножия трона подданного.

Жун Цзюань жалел, что не взял с собой больше чая. Той половины чашки, что он выпил по дороге, хватило лишь на три-четыре фразы.

— На самом деле, — прохрипел он, — меня вынудили. Мои коллеги в Министерстве ритуалов вечно заняты, никто не хочет обучать меня делам. Вот я и привёл знающего человека, чтобы он мне помог.

Всё это было правдой. Но, как и в прошлый раз на ипподроме, он лишь слегка сместил временные рамки. Например, призывы отца вернуться домой и жениться происходили в разное

время. Но если их связать, смысл менялся.

Выражение лица императора заметно смягчилось. Он прекрасно понимал, что этого юношу назначили на должность для галочки, и то, что его третировали, было вполне естественно.

Сейчас его больше злил Правый канцлер. Когда-то он даровал ему золотую медаль, исходя из того, что её невозможно будет передать по наследству. Кто бы мог подумать, что его верный подданный окажется таким жадным.

Император посмотрел на Жун Цзюаня сверху вниз. Хотя он уже не собирался его наказывать, он всё же строго произнёс:

— Будучи чиновником двора, ведёшь себя неподобающе, действуешь безрассудно! Ступай домой и три дня размышляй над своим поведением под домашним арестом!

От долгого сидения у Жун Цзюаня затекла пятая точка, и он не смог сразу подняться.

На фоне хитроумного Правого канцлера Жун Цзюань теперь казался императору почти симпатичным. Он приказал евнуху проводить его.

Стража у входа в зал была поражена, увидев, что он выходит целым и невредимым. Как ему удалось так легко отделаться?

Жун Цзюань снова оказался под лучами солнца. Перед алыми колоннами несколько чиновников, пришедших с жалобой, с изумлением смотрели, как его лично провожает главный евнух. У них от удивления чуть бороды дыбом не встали.

Не обращая на них внимания, Жун Цзюань спокойно пошёл своей дорогой.

— Господин, в следующий раз перед Его Величеством не будьте так невежливы. У меня душа в пятки ушла.

Когда Его Величество в гневе, достаётся и слугам.

Речи Длиннобрового евнуха никогда не были приятными. Каждая встреча с ним сулила плохие новости. Но Жун Цзюань считал его неплохим человеком. Другие за оглашение указов о повышении щедро одаривали евнухов, он же не дал ни монеты, но тот его не притеснял.

Поэтому сегодня Жун Цзюань впервые раскошелился. Длиннобровый евнух с радостью принял подношение.

Во время обмена любезностями Жун Цзюань увидел слугу, который как раз убирал осколки чайника. Вспомнив, что их обоих отчитал этот собака-император, он почувствовал некое родство душ.

— Если возможно, господин евнух, найдите ему место получше.

Раз уж деньги потрачены, можно заодно и воспользоваться связями, чтобы извлечь максимальную выгоду. Сказав это, Жун Цзюань ушёл, спеша отдохнуть.

Маленький евнух с разбитым лицом ошеломлённо смотрел вслед удаляющемуся Жун Цзюаню. Лишь когда его спина скрылась за первыми дворцовыми воротами, он снова покорно опустил голову.

Длиннобровый евнух, получив деньги, был в хорошем настроении и решил сказать пару слов.

— Впредь будь внимательнее. На прошлом дворцовом пиру чуть жизни не лишился. Тебе просто повезло...

Служить перед государем с разбитым лицом было невыносимо. Если бы не те слова Жун Цзюаня, этого бедолагу ждала бы незавидная участь.

***

Резиденция канцлера.

Жун Хэнсуй уже час мерил шагами комнату. Чжэн Вань с болью смотрела на него.

— Лекарь сказал, что твоя рана на груди ещё не зажила, тебе нельзя много двигаться.

Но в Жун Хэнсуйе сейчас радости было больше, чем гнева. Главное препятствие на его пути к карьере, казалось, само летело в пропасть, даже подталкивать не пришлось.

Чжэн Вань думала о том же и тоже сгорала от нетерпения. В прошлый раз она слишком поторопилась. Если подумать, человек не может так легко измениться. С таким характером, как у Жун Цзюаня, он, став чиновником, рано или поздно совершил бы ошибку.

Как раз в этот момент вернулся посланный во дворец за новостями человек и направился напрямиком в кабинет. Жун Хэнсуй, увидев это, тоже под благовидным предлогом поспешил туда.

В кабинете Жун Чэнлинь писал кистью. Его каллиграфия и живопись были непревзойдёнными,

почерк — сильный, но не грубый. Из-за кровного родства Жун Чэнлинь, разумеется, не мог лично донести на собственного сына, поэтому он послал нескольких других сановников.

— Господин.

Жун Чэнлинь отложил кисть и вытер запястье платком. На его лице не было и тени той радости, что сияла на лицах Чжэн Вань и её сына. Напротив, он постепенно хмурился.

Обычно слуга ждал разрешения хозяина, чтобы говорить дальше. Но если бы новости были хорошими, он не был бы так скован.

— Говори.

— Я ждал у дворцовых ворот и собственными глазами видел, как молодой господин уехал в карете.

Уехал в карете, а не был увезён под стражей — это уже говорило о том, что дело приняло иной оборот. Слуга не смел поднять глаза на Жун Чэнлиня и опустил голову ещё ниже.

— По словам знакомого евнуха, Его Величество был в великом гневе и приказал... приказал молодому господину вернуться в поместье и размышлять над своим поведением под домашним арестом.

Великий гнев... и домашний арест? Как эти слова могли быть связаны? Убедившись, что не ослышался, Жун Хэнсуй не выдержал и вмешался:

— Как это возможно?

Слуга не мог дать точного ответа.

— А что с господином Гу?! — торопливо спросил Жун Хэнсуй.

Император отдавал приказ не таясь. Говорят, он ни словом не обмолвился о похищенном, не говоря уже о приказе его освободить.

Слуга с сомнением произнёс:

— ...Внутри запертой двери.

— ...

***

Карета доставила его обратно. В лучах заходящего солнца вывеска резиденции генерала отливала золотом. Слуги, увидев, что Жун Цзюань вернулся целым и невредимым, хоть и не подали виду, но втайне вздохнули с облегчением.

Профессиональная привычка заставила управляющего обратить внимание на одежду Жун Цзюаня. Подол халата был сильно измят, но спереди ткань оставалась гладкой.

«Во дворце неизбежно приходится падать на колени в знак покаяния. Почему же халат смят в противоположном направлении?»

Не успел он долго над этим размышлять, как Се Яньчжоу приказал ему готовить ужин.

— Ты ещё не ел? — спросил Жун Цзюань.

Время ужина давно прошло. Вопрос остался без ответа. Ужин подали очень быстро. Очевидно, на кухне уже всё было почти готово.

Се Яньчжоу сидел напротив за круглым столом. Солнце в этот час светило так, что его нефритовая подвеска на поясе и красный шнурок талисмана удачи казались связанными вместе.

Жун Цзюань редко предавался самообману, но Се Яньчжоу обычно принимал пищу в строго отведённое время. Он невольно подумал:

«Неужели он меня ждал?»

Курлыканье вернуло его к реальности. На жёрдочке Идяньдянь и братец Стронг клевали зёрна.

— Они тоже не ели? — удивился Жун Цзюань.

— Они только что проголодались, — спокойно ответил Се Яньчжоу, продолжая есть.

Воробей усердно клевал, а вот попугай ара расправил крылья, собираясь клюнуть Се Яньчжоу. Жун Цзюань с удивлением приподнял бровь.

«Эта птица, кажется, скоро обретёт разум»

Сейчас многие в столице удивлялись. Высшие сановники уже давно знали о произошедшем, но о наказании Жун Цзюаня новости дошли до их поместий только что.

Император сошёл с ума? За похищение человека — всего лишь три дня домашнего ареста! К тому же, для того, кто постоянно отлынивал от службы под предлогом болезни и отсиживался в резиденции генерала, что это за наказание?

А когда они узнали, что чиновники, требовавшие повторной аудиенции, были отосланы императором под предлогом «чиновникам трудно судить семейные дела», они и вовсе растерялись. Кто-то даже дерзко подумал: «А не является ли этот Жун Хэнсун внебрачным сыном Его Величества?»

Иначе чем объяснить такое снисхождение?

Тем временем в Управлении по надзору уже готовились принять дело — все дела чиновников в итоге попадали к ним. Камеру освободили, а жилец так и не явился.

Бу Сань, стоя рядом с Великим инспектором и выслушав эту ошеломляющую новость, вместо удивления вспомнил о последствиях предыдущих выходов Жун Хэнсуна.

— А Его Величество повысил его в должности? — серьёзно спросил Бу Сань.

Чиновник, докладывавший Великому инспектору:

— ...

Взгляд Великого инспектора медленно переместился на лицо Бу Саня. Бу Сань замолчал.

***

В тот день Бу Сань думал всю ночь и так и не смог понять, почему император не повысил Жун Цзюаня в должности.

<http://bllate.org/book/15979/1501176>